

# ГЛОБАЛЕН ЛИ СОВРЕМЕННЫЙ «ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР»?

**А.В. Фененко**

доктор политических наук, профессор кафедры международной безопасности Московского государственного университета им.М.В.Ломоносова,  
Москва, Россия  
e-mail: afenenko@gmail.com

**Аннотация.** В последние годы понятие «деглобализация» стало ключевым в политологическом нарративе. Под ним понимается свертывание глобализации и возвращение в мир национальных государств, включая такой его атрибут, как межгосударственные войны. Однако исследователи часто игнорируют тот факт, что всего 150-200 лет назад в мире существовала цивилизация, превосходящая нашу по степени глобальных свобод и взаимозависимостей. Исследователи выделяют период «первой глобализации» 1870-1914 годов. Автор предлагает расширить это понятие на все XIX столетие и доказывает, что уровень глобализации в то время не только не уступал современному, но и по ряду аспектов превосходил его. В известном смысле наши «глобальные свободы» - лишь бледная тень глобальных свобод XIX в. Причиной этому стало усиление роли государства. Глобализация XIX в. происходила в условиях слабого государства. С тех пор государство взяло под контроль все сферы общественной жизни, вводя систему жесткого контроля и регистрации. Мы живем в мире не ослабления, а усиления национальных государств, если принимать во внимание долгосрочный процесс с 1840-х гг. до наших дней. Это означает, что наша глобализация, возможно, была лишь не очень удачной попыткой вернуть прошлые глобальные свободы.

**Ключевые слова:** глобализация, глобальный мир, деглобализация, первая глобализация, Венский порядок, этатизм, фритредерство, протекционизм, миграция.

Поступила в редакцию: 01.12.2024  
Принята к публикации: 09.12.2024

УДК 339.9.012  
DOI: 10.24833/2949-639X-2024-4-10-5-31

## ВВЕДЕНИЕ

На протяжении последних лет понятие «деглобализация» стало едва ли не ключевым в политологическом нарративе [22]. В самом общем смысле этот термин обозначает свертывание глобальных процессов в экономической, интеграционной и культурной сферах и возвращение в мир национальных государств, включая такой его атрибут, как межгосударственные войны. Говорить о торможении глобализации политологи начали еще 10-15 пятнадцать лет назад [6], однако в последнее время обсуждение проблематики «конца глобализации» приобрело

массовый характер [3]. Здесь, однако, возникает важный исследовательский вопрос: «Может ли в принципе закончиться такое явление, как глобализация? И если да, то в чем именно будет заключаться ее гипотетическое окончание?»

Хотя литература о глобализации настолько обширна, что заслуживает отдельного справочника [13], ее многообразие можно свести к трем базовым точкам зрения:

- глобализация как следствие глобального режима свободной торговли и свободного движения капитала [20];
- глобализация как результат укрепления транснациональных игроков - от транснациональных корпораций (ТНК) и международных организаций до террористических сетей [27];
- глобализация как американский проект, навязываемый миру США и их ближайшими союзниками [29].

Концептуально эти три подхода чрезвычайно близки друг другу, хотя первая и третья трактовки предполагают обратимость глобализации: она прекратится, если в силу каких-то причин рухнет система свободной торговли или США не смогут продвигать свой проект [1]. Методологической основой большинства исследований о глобализации выступает следующий принцип: на рубеже 1980-х и 1990-х годов (вариант - на рубеже 1960-х и 1970-х годов) начался принципиально новый этап истории человечества, отличный от того, что был во всей предшествующей мировой истории [35].

Между тем анализ истории проблемы показывает, что всего 150-200 лет назад в мире существовала цивилизация, превосходящая нашу по степени глобальных свобод и взаимозависимостей. В этом смысле наши «глобальные свободы» - лишь бледная тень глобальных свобод XIX века - времени, получившим название «первая глобализация». Данный термин был введен итальянским исследователем Томасом Пикетти [30] (и использовался не только им [32; 18]) для обозначения периода 1870-1914 годов. Считая этот термин относительно удачным, полагаю, что сама концепция «первой глобализации» нуждается в доработке по четырем причинам: хронологической (расширение ее рамок на все XIX столетие), исторической (осмысление глобальных процессов XIX в.), коммуникационной (взаимодействие индивидов в рамках глобального пространства XIX в.) и правовой (так называемых «глобальных свобод»: прав человека на совершение определенных действий в рамках формирующегося глобального пространства). Подобное углубление проблемы требует привлечения более широко круга источников, охватывающих не только экономические (как у Т.Пикетти), но также социальные, культурные и демографические сферы<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Мираж глобализации. РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mirazh-globalizatsii/> (дата обращения: 05.11.2024).

Гипотеза автора сводится к следующему. Во-первых, процесс «первой глобализации» происходил в рамках всего Венского порядка XIX в., а не только периода 1870-1914 годов. Во-вторых, «первая глобализация» по масштабу не уступала, а по ряду аспектов превосходила современную. В-третьих, современная глобализация до сих пор не вышла на уровень «глобальных свобод» (включая экономические), характерных для позапрошлого столетия. В-четвертых, невозможность восстановить глобальные свободы XIX в. вызвана объективной причиной - продолжающимся усилением, а не ослаблением, национального государства.

## Исследование

### *Научная глобализация*

Советские фантасты мечтали о мире, где ученые могут спокойно работать в разных странах, не ведая войн, национальных границ и взаимодействуя друг с другом. Читатели Кира Булычева помнят рассуждения его героини Алисы Селезневой в конце XXI в., что на Земле принята конвенция о запрете войн и беспрепятственной работе ученых во всех странах. В романе И.А. Ефремова «Туманность Андромеды» в будущем наступает «Век союза стран, век разных языков, век борьбы за энергию, век общего языка». Современные теоретики глобализации воспроизводят эти мемы фантастики, провозглашая в будущем глобальный мир устойчивого развития. Между тем такой мир существовал на протяжении XIX века, который знал периоды «долгого мира» между великими державами.

Хорошим примером транснационализма может служить европейская наука. В 1831-1836 гг. молодой английский натуралист Чарльз Дарвин совершил кругосветное путешествие на корабле «Бигль». Немецкий историк Якоб Филипп Фальмерайер в 1831-1834 гг. совершил научную экспедицию в Египет и Грецию (кстати, в свите русского графа Остермана-Толстого). Английский физик Джеймс Клер Максвелл стал иностранным членом Американской академии искусств и наук, членом Американского философского общества, членом-корреспондентом Геттингенской академии наук, почетным членом Нью-Йоркской академии наук, членом Нидерландской королевской академии наук, иностранным членом-корреспондентом Венской академии наук, почетным доктором физики Падуанского университета. В творчестве русского химика Д.И. Менделеева выделялся так называемый «Гейдельбергский период» 1859-1861 гг., а в 1900 он участвовал в работе Всемирной выставки в Париже, входил в состав Международного жюри как его вице-президент и председатель группы химического производства.

Не менее наднациональной была в XIX в. математика. Немецкий математик Иоганн Карл Фридрих Гаусс был членом Лондонского королевского общества, иностранным членом Парижской и Шведской академий наук, иностранным членом-корреспондентом и иностранным почетным членом Петербургской академии наук. В 1842 г. по рекомендации Гаусса русский математик Н.И. Лобачевский был избран иностранным членом-корреспондентом Геттингенского

королевского общества. Русский математик М.В. Остроградский обучался в Сорбонне и Коллеж де Франс, где посещал лекции знаменитых французских ученых - Лапласа, Фурье, Ампера, Пуассона и Коши. Немецкий математик Бернхард Риман был членом Парижской академии наук и Лондонского королевского общества. А французский математик Жюль Анри Пуанкаре, возглавлявший с 1906 г. Парижскую академию наук, был членом более 30 академий мира, в том числе иностранным членом-корреспондентом Петербургской академии наук. Все это опровергает популярный в литературе о глобализации тезис о том, что транснациональные сетевые связи считаются достоянием современности.

Показательна и судьба кумира русской философии В.С.Соловьева. Еще в 1875 г. он отправился в командировку в Лондон (через Берлин) для работы в Британском музее «с целью изучения индийской, гностической и средневековой философии». Осенью 1875 г. он поехал в Египет через Францию и Италию, затем вернулся в Италию, жил в Сорренто, Неаполе и Париже, откуда направился в Москву. В 1886 и 1888 гг. В.Соловьев посетил Австро-Венгрию, Германию и Францию, а в 1888 г. выступил в Париже с известной лекцией «Русская идея» о возможном синтезе православия и католичества. Итогом жизни философа за границей стало пробуждение у русского общества массового интереса к европейскому Средневековью.

Еще больше идеалу глобалистов соответствует становление египтологии и антиковедения. Основателем научной египтологии стал Отто Фридрих фон Рихтер - русский ученый-ориенталист и путешественник, уроженец Дерпта (совр. Тарту). В 1815 г. он оказался на берегах Нила и посетил крупнейшие центры древнего Египта - Мемфис и Фивы, где собрал коллекцию древностей (часть ее хранится в Воронежском художественном музее им. И.Н.Крамского). Теоретики глобализации немало написали о кризисе национального государства. В наше время фон Рихтер едва ли получил бы право беспрепятственно посещать любые исторические места Египта, собирать там древности и беспрепятственно вывозить их в Россию.

Другой основатель египтологии - француз Жан-Франсуа Шампольон - в 1828-1829 гг. организовал франко-тосканскую экспедицию в Египет, участниками которой были археолог Шарль Ленорман, архитектор Антуан Бибен, художник Нестор л'От, а от Тосканы - профессор университета Пизы Ипполито Розеллини, его дядя, архитектор Гаэтано Розеллини, и художник Джузеппе Анджелелли. «Поездка в Египет в 1828-1829 годах позволила французскому ученому скопировать множество надписей, начертанных на древнеегипетских памятниках. В результате в его распоряжении оказался ценнейший материал для дальнейших исследований письма, которое применяли в древности египтяне», - пишет об этом В.А. Томсинов [19]. Поддержку экспедиции Шампольона оказывал египетский паша Мухаммед Али, для которого французский ученый написал «Краткую заметку по истории Египта». В наше время власти государства едва ли позволили бы иностранной экспедиции вывести столько исторических ценностей и поручили бы иностранному лингвисту написать историю их страны.

Отдельного внимания заслуживает судьба немецкого историка Генриха Карла Бругша - классика мировой египтологии. На заре научной карьеры он изучал египетские экспонаты в музеях Парижа, Лондона, Турина и Лейдена. В 1853 г. и 1857-1858 гг. Г.К.Бругш по поручению прусского правительства побывал в двух экспедициях в Египте, причем первую он организовал в сотрудничестве с французским египтологом Огюстом Мариеттом. В 1860 г. историк отправился с прусским посольством в Персию, а после смерти его начальника - барона Минутоли - заведовал делами посольства. В 1864-1868 гг. Г.К.Бругш был прусским консулом в Каире, а в 1870 г. принял предложение вице-короля Египта управлять основанной в Каире «Школой египтологии». В 1873 г. ученый был главным комиссаром Египта на всемирной выставке в Вене, получив звание бея. В 1876 г. он организовал египетский отдел на всемирной выставке в Филадельфии, за что получил звание египетского паши [23]. В наше время вряд ли иностранный дипломат получил бы столь видный пост в другой стране - это было бы воспринято как отказ от ее суверенитета.

Похожим образом сложилась судьба французского египтолога Огюста Мариетта. Будучи французским подданным, он в 1857 г. при поддержке египетского хедива Саид-паши открыл в каирском предместье Булак музей, ставший в дальнейшем Египетским музеем в Каире. Огюст Мариетт был назначен директором Управления по делам египетских древностей и главным инспектором всех раскопок, проводившихся на территории. В 1867 г. Мариетт был награжден орденом Почетного легиона, а в 1879 г. египетский хедив присвоил ему титул паши. В современном якобы глобализированном мире это было бы воспринято как жесткое ограничение египетского суверенитета.

Другой пример транснационализма XIX в. - немецкий предприниматель и археолог Генрих Шлиман. Родившись в Мекленбурге, он в 1847 г. принял русское подданство, а в 1869 г. - гражданство США. С 1871 по 1890 г. он проводил раскопки Трои в Османской империи. Параллельно Шлиман работал в Греции: в 1876 г. он открыл царские гробницы в Микенах, в 1880 и 1886 гг. раскапывал Орхомен, в 1884 г. - Тиринф (совместно с В.Дерпфельдом). Не станем спорить о научных открытиях Шлимана: для нашей темы важнее иное. В современном мире едва ли правительства Турции и Греции позволили бы так легко иностранному бизнесмену организовать раскопки на их территории и тем более вывести из страны найденные ценности. Представим, сколько бюрократических процедур и согласований пришлось бы пройти Шлиману, чтобы только получить разрешение на раскопки, какие суммы пришлось бы легально заплатить их властям. Все это так диссонирует с популярными в недавнем прошлом концепциями о «кризисе государства» в результате глобализации: современное государство намного сильнее государства 1870-х гг.

В 1871 г. состоялась немецкая археологическая экспедиция в Пергам (Османская империя) под руководством Эрнста Курциуса и Фридриха Адлера. В 1878 г. директор берлинского Музея скульптуры Александр Конце обеспечил

финансовую поддержку раскопок, а Карл Хуман получил официальное разрешение османской стороны. 9 сентября 1878 г. начались первые раскопки в Пергаме, длившиеся один год при участии архитектора Рихарда Бона. В ходе работ были обнаружены фрагменты знаменитого Пергамского алтаря. Находки, которые согласно договору с османской стороной переходили в собственность Германии, перевозились к побережью, перегружались на немецкие корабли и отправлялись в Берлин. В 1886 г. Пергамский алтарь был торжественно выставлен в Берлине. Интересно, что в нашем мире, где происходит якобы кризис национальных государств, Турция ставит перед Германией вопрос о возвращении Пергамского алтаря.

История науки опровергает традиционный взгляд на современную глобализацию как период появления и развития наднациональных связей. Перед нами возникает иная картина. Мир транснационального взаимодействия существовал в XIX веке, затем в XX в. он был свернут по мере усиления национальных государств. Современная глобализация стала только попыткой вернуть некоторые компоненты транснационализма XIX в., т.е. своеобразным «эхом», «отлетающей тенью» позапрошлого столетия. Эта «тень» упала, однако на непреодолимое препятствие: современное национальное государство слишком сильно для того, чтобы реставрировать транснационализм XIX в. в полном объеме.

### ***Миграционная глобализация***

Сторонники идеи об уникальности характера нашей глобализации часто используют свой любимый аргумент: транснациональность XIX в. затрагивала всего-навсего 2-5% населения любой страны. Такие представления далеки от истины: XIX в. был временем передвижения колоссального числа людей по миру. Целые страны были рождены иммиграцией в них европейцев, которая была вызвана как высоким уровнем рождаемости, так и стремлением получить условия для реализации личности. По данным Всемирного банка, около 10% мирового населения переехали в другие страны: 60 млн человек переместились из Европы в Северную Америку и другие части Нового Света. То же самое произошло в густонаселенных Китае и Индии, из которых люди выезжали в менее густонаселенные страны, такие как Шри-Ланка, Бирма, Таиланд, Филиппины и Вьетнам. И эти данные не учитывают масштабную миграцию внутри самой Европы и в европейские колонии.

Позапрошлый век практически не знал нашего разделения на легальную и нелегальную иммиграцию - желанным считался любой иммигрант. Особенно популярной была философия, согласно которой главное для страны - численность ее населения как потенциальных производителей и солдат. К этому добавлялся фактор огромных малозаселенных пространств: картографирование Земного шара было завершено во второй половине XIX в., а с учетом приполярных пространств - только в середине XX в.

---

<sup>2</sup> Глобализация. Материалы Всемирного банка. URL: <https://www.un.org/ru/youthink/globalization.shtml> (дата обращения: 05.11.2024).

Классической страной мигрантов стали США. Их миграционное законодательство с самого начала его существования не было простым, и тем не менее XIX в. стал веком стремительного роста иммиграции. По современным расчетам, в период с 1820 по 1930 г. в США прибыли 25 млн европейцев, из них 3,5 млн британцев, 4,5 млн ирландцев, 1,5 млн норвежцев и шведов, 5-6 млн немцев (вопрос о том, какой процент из них составляли немецкие евреи, включая крещеных, остается, правда, дискуссионным) [11]. Французскую эмиграцию рассчитать труднее, поскольку в США эмигрировала из Канады часть франко-канадской общины, а жители Луизианы во время присоединения к Соединенным Штатам получили американское гражданство. Тем не менее, по данным на 2020 г., около 9,4 млн жителей США заявили о своем французском или франко-канадском происхождении. В 1848 г. США предоставили гражданство примерно 60 тыс. мексиканских жителей территории Нью-Мексико и 10 тыс. человек, проживающим в Мексиканской Калифорнии. Остальные 15 млн составили прибывшие во второй половине XIX в. итальянцы, греки, венгры, поляки и другие славяне, евреи. При этом существовал и феномен реэмиграции: немалая часть итальянцев и франко-канадцев позднее вернулись из США на родину, накопив определенную сумму денег.

В конце XIX в. 84,9% иммигрантов в США были выходцами из Европы. Однако в Соединенные Штаты шла и неевропейская эмиграция - речь идет о китайской [6]. К началу 1870-х гг. численность китайского мужского населения Калифорнии достигла 58,6 тыс. чел. и составила 14% всей рабочей силы. Благодаря китайцам в сельском хозяйстве Калифорнии появились новые отрасли - садоводство и овощеводство. В 1880 г. около 70% сезонных сельскохозяйственных рабочих в Калифорнии составляли китайцы [16]. Позднее это привело к принятию серии законов об ограничении китайской иммиграции. С 1855 г. началась японская иммиграция, и к 1907 г. в США, по разным данным, находились от 30 до 127 тыс. японцев, причем часть из них находилась на сезонных работах. На рубеже XIX-XX вв. в Америку стали прибывать ливанские и сирийские эмигранты, многие из них селились в «Маленькой Сирии» Нью-Йорка, затем в Бостоне и Детройте.

Британская империя в XIX в. создала иммиграцией две новые страны - Австралию (Австралийский союз) и Новую Зеландию. Первая британская колония - Новый Южный Уэльс - была основана в Австралии в 1788 г. С тех пор Австралия стала местом ссылки каторжников из Великобритании. В 1825 г. британским правительством была принята программа заселения Австралии. В 1840-х гг. колониальные власти установили новые правила для ускорения иммиграции: установить высокие цены на землю и предоставлять деньги для субсидирования иммигрантов. Начавшаяся в 1851 г. австралийская золотая лихорадка привела к приезду в страну британских, ирландских, в меньшей степени французских, немецких и даже китайских поселенцев. Согласно реконструкции австралийского исследователя Чарльза Прайса [31], среднегодовое число иммигрантов

в 1831-1860 гг. составляло 18 268, а в 1861-1900 гг. - 10 087 человек. В 1901 г. разрозненные австралийские колонии объединились в доминион - Австралийский союз, введя ограничения на небелую иммиграцию.

Массовая иммиграция в Новую Зеландию началась только в 1840 г. Централизованное переселение, организованное британским правительством, привело к маорийским земельным войнам 1845-1872 гг. В результате отбора земли у маори к 1870 г. в Новой Зеландии проживало уже около 250 тыс. не маори. Подавляющее большинство составляли английские, шотландские и ирландские колонисты.

Данные по Канаде сохранились хуже, но и они позволяют сделать интересные выводы. Строительство Трансконтинентальной железной дороги привело к увеличению потока мигрантов из Китая. В 1885 г. правительство Канады приняло специальный акт, ограничивающий иммиграцию из Китая, - его положения действовали до начала 1960-х гг. С 1896 г. ежегодный приток иммигрантов увеличился с 16 835 человек в 1896 г. до 141 464 человек в 1905 г. Всего же за 17 лет до начала Первой мировой войны в Канаду переселилось около 3 млн иммигрантов.

Много или мало было прав у иммигрантов-колонистов? С политической точки зрения, наверное, меньше, чем у нас: для получения избирательных прав в XIX в. нужно было получить сложные цензы оседлости и недвижимости. С гражданской точки зрения - намного больше. Помимо свободного хранения и применения огнестрельного оружия (в рамках закона), у них было право свободно распоряжаться природными ресурсами: свободно охотиться, вырубать леса, распоряжаться водными ресурсами и строить по своему усмотрению жилые и хозяйственные постройки. В XIX в. американский фермер, например, обнаружив родник или ручей на своем участке, мог спокойно выкопать пруд, а в наши дни ему потребовалась бы непростая система бюрократических согласований, включая согласие экологических организаций (к слову сказать, право свободного хранения огнестрельного оружия и охоты в определенных лесах имели и русские крестьяне - вспомним известное с детства стихотворение Н.А. Некрасова про деда Мазая). У граждан этих стран не было и института прописки в нашем понимании: законодательство боролось с бродяжничеством, нищенством, но спокойно относилось к свободному переезду из города в город при возможности снять жилье, чем пользовались многие жители. Существовала и полулегальная иммиграция: возможность высадиться на пустынном берегу и создать там поселение, а дети со временем могли натурализоваться.

Еще один пример - немецкая иммиграция в Латинскую Америку. В 1824-1855 гг. при поддержке властей в Бразилии обосновались около 20 тыс. немецких колонистов. В середине XIX в. немецкие поселения возникли в Чили, Венесуэле и в Аргентине, а в конце века - в Парагвае. К первой половине XX в. в Латинской Америке проживало порядка 1,5-2 млн человек немецкого происхождения. В 1940 г. 80% латиноамериканских немцев проживали на территории трех стран - Бразилии (до 900 тыс.), Аргентины (250 тыс.) и Чили (85 тыс.).

Активная немецкая миграция шла в Россию двумя потоками. Первый: колонизация религиозными общинами (прежде всего, лютеранской или меннонитской), которая вела к сохранению немецкой культуры и идентичности в поселениях [32]. Второй: принятие немецкими подданными или их детьми православия с их последующей интеграцией в русское общество - в том числе за счет смешанных браков. Манифесты Екатерины II 1762 и 1763 гг. позволили направить первую волну колонистов из Рейнланда, Гессена и Пфальца в район Поволжья [8]. Указ Александра I от 1804 г. направил в Причерноморье и Кавказ поток колонистов из Швабии, Баварии, Мекленбурга, Эльзаса, Швейцарии, частично Западной Пруссии. Третья колонизационная волна немцев шла в середине XIX в. на Волынь и в Черноземье. В Империи сложились компактные очаги [7] проживания немцев: остзейские (балтийские) немцы, шведско-немецкая община Выборга и Санкт-Петербурга, волынские немцы, малороссийские немцы (городские немецкие общины в Киеве и Чернигове), южнорусские или черноморские немцы, бессарабские немцы, крымские немцы, кавказские немцы, воронежские немцы, донские немцы, поволжские немцы, сибирские немцы. На 1913 г. в Российской империи проживали около 2,5 млн немцев, причем в эту статистику не включены обрусевшие немцы и их потомки.

Следы масштабной немецкой иммиграции в Россию сохранились до сих пор. Например, в поселке Рамонь под Воронежем есть замок принцессы Ольденбургской, построенный в 1880-х гг. в средневековом стиле. В самом Воронеже существует построенная во второй половине XIX в. лютеранская кирха святой Марии Магдалины. В 1866-1868 гг. в городе было построено Лютеранское, или Немецкое, кладбище, за которым ухаживал известный садовод по фамилии Карлсон (этот факт заставляет задуматься о численности немецких диаспор в русских городах). В Воронеже находится и ботанический сад им Б.Келлера - русского и советского биолога, потомка обрусевших немцев. Аналогично в Крыму знаменитый Никитский ботанический сад был основан Христианом Христиановичем Стевеном - русским ботаником шведского происхождения.

Помимо немецкой, в Россию активно шла и французская иммиграция. Ее отзвук мы можем найти в стихотворении М.Лермонтова «На смерть поэта»: «На ловлю счастья и чинов // Зброшен к нам по воле рока». По данным современных исследователей<sup>3</sup>, только в 1789-1799 гг. в Россию бежали от Французской революции 10 тыс. роялистов. Другая часть французов осталась в России после Отечественной войны 1812 г. (в одном Саратове проживали 3 509 солдат, 170 обер-офицеров, два генерала), а третья волна была связана с развитием русской промышленности во второй половине XIX века (вспомним семью Гишар из романа Б.Пастернака «Доктор Живаго»). «В Москве после сооружения храма Святого Людовика на Малой Лубянке французы стали обживать соседний Милютинский

<sup>3</sup> Из истории французской диаспоры в России (XVIII-XX вв.). Евразия сегодня. URL: <https://eurasia.today/actual/iz-istorii-frantsuzskoy-diaspory-v-rossii-xviii-xx-vv-/> (дата обращения: 05.11.2024).

переулок. В центре города, напротив Художественного театра, в Камергерском переулке находилась гостиница Шевалье. Большой популярностью в Москве пользовались французский ресторан Донона и винный магазин Леве в Столешниковом переулке». Фамилии Савинье, Пашу, Вердые, Леже, Анжу были не такой уж редкостью даже в провинциальных городах Российской империи. Исследователи оценивают численность французской диаспоры в России в 50-100 тыс. человек, но эти данные приблизительны из-за быстрой русификации значительной части французов: достаточно вспомнить, например, имена композитора Ц. Кюи, полярника П. Анжу или дипломата А. Жомини.

В Россию шли другие иммиграционные волны, не поддающиеся статистическому учету. На севере не редким явлением была шведская иммиграция: часть фамилий русских военных и ученых, которых в массовой культуре привыкли считать немецкими, на самом деле были шведскими. На юге в Россию шла сербская и греческая иммиграции, что привело к появлению крупных общин понтийских греков. Например, советская писательница Валентина Осеева происходила из греческого рода Венераки, а династии Милорадовичей или Депрерадовичей в Российской империи были этническими сербами. В русских городах жили польские диаспоры, и для русского дворянина или интеллигента считалось почетно иметь польских предков. На Дальнем Востоке маньчжуры, по соглашениям России с империей Цин, пользовались экстерриториальной юрисдикцией. Мы спорим о том, подорвет ли мультикультурализм нашу национальную идентичность, забывая при этом, насколько мультикультурной была Российская империя.

Эти данные не просто показывают нам масштабы миграционных передвижений XIX в. В научной литературе стало банальностью писать о возникновении мультикультурного общества, но общества XIX в. были не менее мультикультурными, чем в наши дни. Социологи отмечают, что огромное количество людей не может назвать имен своих предков в XIX в., так что, возможно, многие из нас стали продуктом настоящего мультикультурализма.

### ***Финансовая глобализация***

Поэт А.А. Блок не случайно назвал XIX столетие «век акций, рент и облигаций». Мировая финансовая система стала создаваться сразу после окончания Наполеоновских войн [21]. В 1816 г. Британский банк ввел золотое обеспечение фунта стерлингов, в 1821 г. был установлен принцип свободного обмена (конвертации) фунта в золото. С тех пор британский фунт превратился в мировое расчетное средство - курсы остальных валют соотносились с курсом британского фунта, а соответственно, и с ценами на золото. Постепенно все ведущие страны переходили на золотой стандарт: США (1837), Германия, (1875), Франция (1878), Россия (1897).

Мировую валютную систему оформили Парижские соглашения 1867 г. В основу мировой расчетной системы был положен принцип монометаллизма в форме золотомонетного стандарта. Соответственно, каждая валюта должна была получить золотое содержание, что позволяло устанавливать их золотые паритеты.

Эмиссия кредитных денег осуществлялась с учетом объема золотого запаса конкретной страны. Если государство не имело золотого обеспечения национальной валюты, его финансовые операции осуществлялись на мировом рынке через ту валюту, к курсу которой привязывалась его финансовая система. На международном рынке валюты свободно конвертировались в золото: с этой целью Парижские соглашения установили принцип свободного перетока золота из страны в страну. Национальные валюты, выходя на мировой рынок, принимались или по золотому эквиваленту (бумажные деньги), или по весу и стоимости металла (металлические деньги).

Пополнять мировую финансовую систему могло открытие новых месторождений золота и увеличение его добычи. Это приводило к феномену «золотых лихорадок» - неорганизованных массовых добыч золота на новооткрытых месторождениях. Наиболее известными стали сибирская (1828), калифорнийская (1849), австралийская (1851), южноафриканская (1886), клондайкская (1896) и аляскинская (1898). И все же страны - участницы Парижской системы были поставлены в неравные условия. Страны, имевшие крупные залежи золота (Британская империя, США), чувствовали себя уверенно, регулярно пополняя золотые запасы; другие страны (Австро-Венгрия, Германия, Россия, Япония) использовали механизм финансовых заимствований на мировом рынке для поддержания золотого обеспечения своих валют. Промежуточную роль играла Франция, которая не имела крупных запасов золота, но стала центром регулирования финансовых потоков.

Глобальную роль этой системе придавали биржи. Антверпенская биржа существовала еще в XVI в., Амстердамская с 1602 г., Берлинская с 1685 г., в XVIII в. появились Парижская, Санкт-Петербургская, Лондонская, Венская и Нью-Йоркская, в XIX в. - Шанхайская, Гонконгская и Токийская биржи. В 1910 г. общая сумма ценных бумаг составляла приблизительно 600 - 815 миллиардов франков [15].

Аналогом Интернета в XIX в. выступал телеграф. В 1809 г. мюнхенским академиком Самуэлем Томасом Зёммерингом был изобретен первый телеграф, работа которого была основана на химических действиях тока, что ускорило передачу информации. Уже в первой половине XIX в. Европа стала покрываться телеграфными линиями, а в 1858 г. началось строительство трансатлантического телеграфа. В 1843 г. шотландский часовщик Александр Бейн создал прообраз факсов, способных на большие расстояния передавать копии не только текста, но и изображений - пусть и в недостаточно высоком качестве, но эту проблему в 1855 г. частично решил Джованни Казелли. Мы забыли, что в Первую мировую войну международные телеграфные линии были перерублены, что повлекло за собой быстрое развитие радио. Но в XIX в. телеграф позволял быстро передавать новости - информация на биржи Лондона, Нью-Йорка, Парижа, Вены и Санкт-Петербурга доходила оперативно.

В романе А. Дюма «Граф Монте Кристо» описан интересный эпизод. Граф, желая разорить своего врага Данглара, подкупает телеграфиста, чтобы тот передал

фальшивую новость - «Дон Карлос вернулся в Испанию». Биржа среагировала на нее, и банк Данглара понес убытки. Оказывается, это были не фантазии Дюма, а реалии того времени. Биржи быстро обменивались информацией посредством телеграфа, что влекло за собой подъемы и спады акций на различных биржах. Первым международным финансовым кризисом исследователи считают события 1825-1826 годов [2]. Отделение Латинской Америки от испанской и португальской короны привело к притоку капитала из Великобритании для финансирования разработки золотых и серебряных рудников и государственного долга новых государств. Растущий торговый дисбаланс и исчерпание золотых резервов Британского банка вынудили его увеличить учетную ставку. Крах лондонского фондового рынка в октябре 1825 г. спровоцировал декабрьскую банковскую панику, которая вскоре распространилась на Европейский континент. Кризис распространился на Латинскую Америку, так как заморские кредиты не были пролонгированы, а сокращение инвестиций и экспорта уменьшило доходы бюджетов и вызвало дефолты по государственным долгам. Массовые банкротства были зафиксированы в это же время в США, Латинской Америке и Франции.

Карл Маркс описывал в «Капитале» мировые финансовые кризисы 1857 и 1863 гг. Первый начался в США из-за банкротства серии строительных и железнодорожных компаний и перебрался на Великобританию, а затем - на остальную Европу. По итогам кризиса потребление чугуна в мире сократилось в среднем на 14-18%, хлопчатобумажных изделий - на 13-15%. Второй был вызван Гражданской войной в США и сокращением поставок американского хлопка в Европу. Его прямым последствием стала Парагвайская война (1864-1870), в которой Великобритания руками Бразилии стремилась добраться до парагвайского хлопка. Крупные инвестиции от Великобритании и Франции получил Египет, надеясь, что его хлопок станет альтернативой американскому.

В 1894 г. Ф. Энгельс издал из черновики Маркса третий том «Капитала» - «Процесс капиталистического производства, взятый в целом». В нем выделяются семь главных сюжетов: превращение прибавочной стоимости в прибыль, превращение прибыли в среднюю прибыль, тенденция прибыли к падению, превращение товарного и денежного капитала в торговый капитал, деление прибыли на капитал, приносящий процент, превращение прибавочной стоимости в земельную ренту и доход. Однако Маркс не касался проблем государственного ограничения на движения капитала. Основоположник научного коммунизма не выводит формул, как вмешательство государственной бюрократии может помешать превращению прибавочной стоимости в прибыль, как подъем налогов может препятствовать превращению прибыли в среднюю прибыль, как антимонопольное законодательство может изменить деление прибыли на капитал, приносящий процент. (Превращение прибыли в среднюю прибыль в наши дни может быть легко прервано решением суда раздробить слишком мощную компанию, близкую к монополии). Маркс не рассматривает и проблему того, как внешнеэкономические ограничения могут помешать финансистам воспользоваться

каким-то фондовым рынком. «Капитал» Маркса был написан под условия слабого государства, что давало предпринимателям намного больше свободы, чем мы можем представить в наше время.

«Долгая депрессия» 1873-1896 гг. демонстрирует нам масштаб «глобализации по Марксу». Предпосылкой к ней стало спонсируемое Великобританией развитие кредитного рынка Латинской Америки и неспособность южноамериканских стран покрыть кредиты. Все началось с краха на Венской бирже (она так и не оправилась от этой катастрофы), вызвав крах на биржах Цюриха, Амстердама, а затем и Нью-Йорка. Немецкие банки отказали в пролонгации кредитов, выданных американским заемщикам. О своем банкротстве был вынужден объявить, например, Джей Кук - президент Объединенной Тихоокеанской железной дороги. Все это привело к спаду производства до 1878 г. и стагнации до середины 1890-х гг. в большинстве стран мира.

Отечественный экономист А. Паршев приводил<sup>4</sup>, например, следующие статистические данные о России со ссылкой на В. Андрианова: «...начиная с 1895 г. в России ежегодно учреждалось более десятка иностранных промышленных предприятий, чему способствовали высокая норма прибыли, гарантированные заказы из государственного казначейства, льготные таможенные пошлины. Кроме того, введенная в России золотая валюта обеспечивала устойчивость курса рубля. В 1900 г. общий объем иностранных инвестиций в экономику России оценивался в 750 млн руб... Для кредитования российской экономики на Западе образовывались банковские консорциумы. Одним из условий предоставления кредитов было участие иностранного банка в акционерном капитале коммерческих банков и промышленных предприятий. В результате к началу промышленного подъема (1910-1913 гг.) в России не было ни одного крупного коммерческого банка (за исключением Волжско-Камского), в котором в той или иной форме не были представлены интересы европейского иностранного капитала...». Перетоки финансов между разными странами в конце XIX в. шли с большей интенсивностью, чем в наши дни, поскольку не было современных национальных ограничений на эту деятельность.

Насколько массовой была эта глобализация? Точную статистику по XIX в. найти сложно. Однако в литературе мы постоянно сталкиваемся с интересным явлением: герои произведений массово играют на биржах - самостоятельно или через биржевого агента. Последний был частым гостем в любом сколько-нибудь обеспеченном частном доме, нередко завтракая вместе с семьей клиента. Биржа была такой же частью повседневной жизни, как в наши дни оплата услуг через Интернет. У этого явления есть интересное объяснение: биржевой рынок XIX в. еще не был монополизирован, и выход на него отдельных частных лиц был

<sup>4</sup> Почему Россия не Америка. Библиотека Максима Мошкова. URL: [https://lib.ru/POLITOLOG/PARSHEW/parshew.txt\\_with-big-pictures.html](https://lib.ru/POLITOLOG/PARSHEW/parshew.txt_with-big-pictures.html) (дата обращения: 05.11.2024).

нормой. В этом смысле глобализация XIX в. в самом деле приходила во многие дома городского среднего класса разных стран, делая их зависимыми и от финансового рынка в Латинской Америки, и от военных действий в Новой Зеландии.

### **Торговая глобализация**

«Первая глобализация» охватывала не только финансовую сферу. В мировой торговле на протяжении XIX в. преобладало фритредерство (от англ. free trade - свободная торговля) - свободная конкуренция товаров разных стран. Великобритания и Франция, как промышленные лидеры мира, стремились придать ей всемирный характер. Они с помощью войн навязывали режим свободной торговли Аргентине (1843-1852), Китаю (1840-1860), через неравноправные соглашения - Японии (1858). Но и между развитыми странами действовал во многом такой же режим: в 1860 г. Великобритания и Франция заключили соглашение о свободной торговле, что постепенно распространяло эту систему на европейские страны<sup>5</sup>. Россия, впрочем, перешла к системе свободной торговли еще в 1857 году, хотя этот переход не был абсолютным: в ряде отраслей сохранялись таможенные тарифы.

По данным Всемирного банка, за период 1870-1914 гг. доля экспорта в объеме мировых доходов удвоилась и составила 8%. За период с 1815 по 1914 г. объемы совокупного экспорта стран Европы выросли приблизительно в 40 раз. На протяжении XIX в. торговые обороты стабильно росли на 3% ежегодно. Такой рост позволил экспорту вырасти с доли в 6% от ВВП в начале XIX века до 14% на момент начала Первой мировой войны<sup>6</sup>. «Житель Лондона мог заказать по телефону товары из любой точки мира, попивая чай в постели, и ожидать их доставки прямо до двери», - писал экономист Джон Мейнард Кейнс<sup>7</sup> (что опровергает миф о невероятной роли интернет-торговли в современном мире). Однако эти расчеты, вероятно, занижены: они не учитывают политику крупных компаний, продававших товары, не включенные в официальную статистику.

Для понимания масштабов свободной торговли в XIX в. важны свидетельства французского социолога Гюстава Лебона в «Психологии социализма» (1906), который описывал, как немецкий торговый дом доставил ему буквально домой в Париж фотографические пластины: «Совсем другие приемы в немецкой промышленности. Спустя немного времени после предшествующих неудач, мне понадобился в небольшом количестве прокатанный кобальт, металл не особенно редкий. Я написал первостепенным парижским домам по части химических продуктов. Ввиду незначительности заказа они не потрудились даже ответить. Только один из них уведомил меня, что он, может быть, доставит мне требуемый

<sup>5</sup> World Economic Outlook. IMF. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/weomay/weocon.htm> (дата обращения: 05.11.2024).

<sup>6</sup> Trade and Globalization. Our World in Data. URL: <https://ourworldindata.org/trade-and-globalization> (дата обращения: 06.11.2024).

<sup>7</sup> Global Man, Circa 1913. The Globalist. URL: <https://www.theglobalist.com/global-man-circa-1913/> (дата обращения: 06.11.2024).

предмет через несколько недель. Прождав три месяца и безотлагательно нуждаясь в этом металле, я обратился к одному из торговых домов Берлина. Несмотря на то что в этот раз дело шло о заказе лишь в несколько франков, я получил ответ с обратной почтой, и пластинка металла указанных мною размеров была доставлена через неделю» [14].

Попробуем оценить этот пассаж Лебона с точки зрения теории глобализации. Уже на исходе XIX в. любой француз мог написать в Берлин и заказать мелкий товар, несмотря на предельно враждебные отношения двух государств. Почтовые коммуникации и денежный перевод позволяли немецкому торговому дому переслать эти товары во Францию. Наконец, во Франции существовали постоянные немецкие торговые представительства, которые взаимодействовали с клиентами. Наша транснациональная торговля через Интернет только технически улучшает существовавшую в прошлом систему (да и то, в отличие от XIX в. наш современник должен думать о прохождении товара определенного объема, веса и марки через таможеню). Скорость доставки фотографических пластинок месье Лебону не сильно отличалась от скорости доставки книг нашему современнику через систему «Амазон». «Опасность со стороны Германии, - пишет в свою очередь Швоб, - это верно, но мы говорим также - опасность со стороны Англии, Австралии, Америки и даже России, и даже Китая», - писал об этом сам Лебон [14], описывая конкуренцию иностранных товаров на внутреннем французском рынке.

Сведения Лебона подтверждают и материал по отечественной истории. В России остатки того времени мы можем увидеть в центре Санкт-Петербурга в виде зданий стиля модерн, принадлежавших некогда немецкому, британскому или даже французскому торговому дому. Например, дом американской компании «Зингер», построенный в 1902-1904 гг. по проекту архитектора Павла Сюзора, ставший с 1938 г. «Домом книги». «Везде танцклассы, вывески менял, а рядом: «Henriette», «Basile», «Andre», - описывала А.Ахматова Санкт-Петербург 1870-х годов. Позднее Ахматова в «Поэме без героя» специально указала: «Угол Марсова поля. Дом, построенный в начале XIX века братьями Адамини». После этих строк странно читать пассажи о том, что современная глобализация сделала вывески на английском языке неотъемлемой частью любого мегаполиса: люди позапрошлого века даже не придавали значения вывескам на иностранном языке. Эти вывески никого не удивляли, как и наличие у части населения страны (причем не только у дворянства) русско-французского билингвизма.

Исследователь В.Сартар<sup>8</sup> приводит пример деятельности в России двух наднациональных монополий. Немецкие предприниматели Герман Энгельбрехт и Георг Вильгельм Шредеры в первой половине XIX в. входили в число 50 крупнейших экспортных коммерсантов Российской империи. Сеть отделений фирмы Шредеров включала в себя Лондон, Ливерпуль, Амстердам, Триест, Бремен,

<sup>8</sup> Международные фирмы в Российской империи, 1800—1917 гг. История государства. URL: <https://statehistory.ru/5990/Mezhdunarodnye-firmy-v-Rossiyskoy-imperii--1800-1917-gg/> (дата обращения: 06.11.2024).

Гамбург, Ригу и Петербург, а также города Нового Света: Агуадиллу в Карибском бассейне, Нью-Йорк, Новый Орлеан, Лиму, Рио-де-Жанейро и Батавию. Другой пример - фирма «Э.Г. Брандт и К°». В 1830 г. она совместно с торговыми домами Штиглицев и Е.Губбарда контролировала 25% российского внешнеторгового оборота. В 1869 г. фирма Брандта выступила как соучредитель Петербургского Международного коммерческого банка.

Торговые потоки имели и обратную направленность. «Первоначально российский керосин (как и прочие нефтепродукты) в основном экспортировался в европейские страны, главным образом в Англию, Австрию, Голландию, Турцию и Италию. Позже отечественные нефтепродукты стали проникать и в страны Дальнего Востока: Индию, Индокитай, Китай, Японию. В 1890 г. 70% русского керосина экспортировалось в Европу, но уже 3-4 года спустя больше половины его отправлялось в восточные страны. Керосин в ящиках из Батума доставлялся на парусных и паровых судах, а наливной - исключительно на паровых. Свыше 95% вывозимого керосина из Батума доставлялось английскими пароходами, которые фрахтовались в Лондоне», - пишет А.Манько<sup>9</sup>. Транснациональная торговля процветала, как видим, задолго до создания «Семи сестер» и ОПЕК.

У Лебона мы также узнаем, что современная проблема - утечка производства на Восток и превращение Азиатско-Тихоокеанского региона в «мастерскую мира» - волновала умы европейцев уже в конце XIX века. «Народы Востока стали производить один за другим все европейские продукты и всегда при условиях такой дешевизны, что всякая борьба с ними становится невозможной. В Японии существуют теперь часовое, фаянсовое, бумажное, парфюмерное производства и даже производство так называемых «парижских товаров». Таким образом, европейские продукты все более и более вытесняются с рынков Востока», - писал он где-то в 1900 году. Еще большие тревоги у Лебона вызвал экономический подъем Китая в недалеком будущем. «Китай еще не вступил в промышленное движение, но близок момент, когда он устремится в него. Можно тогда предвидеть, что со своим бесчисленным населением, при отсутствии потребностей и при огромных запасах угля, он через несколько лет будет первым коммерческим центром мира, регулятором рынков, а пекинская биржа будет устанавливать цены на все товары остального мира. Для оценки могущества этой конкуренции может служить тот факт, что американцы, признав себя неспособными бороться с нею, не нашли другого средства, как воспретить китайцам доступ на их территорию. Недалек час, когда европейский купеческий корабль будет редкостью в морях Востока» [14]. Эти наблюдения доказывают, что многие проблемы «глобального мира», которые мы привыкли считать современными, существовали и широко обсуждались еще в самом конце XIX века.

<sup>9</sup> Из истории экспорта нефтепродуктов. Нефтяное хозяйство. URL: [https://oil-industry.net/history/istoriya-otrasli-v-publikatsiyakh-zhurnala.php?ELEMENT\\_ID=179455](https://oil-industry.net/history/istoriya-otrasli-v-publikatsiyakh-zhurnala.php?ELEMENT_ID=179455) (дата обращения: 06.11.2024).

Фритредерство уже во второй половине XIX в. создало глобальную торговую систему. «Важными регионами, где открывались отделения международных торговых фирм, являлись США, прежде всего благодаря хлопковым и табачным плантациям, а также Куба и острова Карибского бассейна, где выращивался сахарный тростник. Спрос на сахар-сырец был высок и в России. Из Южной Америки импортировали естественные красители для тканей, каучук, зерно, хлопок и кофе, из Африки выводили кофе, из Азии - чай, табак и предметы роскоши. В России международных коммерсантов интересовали зерно, лен и пенька, меха и металлы. Этими поставками, связанными с внешнеэкономическими сделками, занималось множество торговцев в России. Гамбург являлся своеобразным посредником в торговле с Англией и другими странами, в том числе с Россией. Многие гамбургские купцы, торговавшие с царской Россией, в первой половине XIX в. стремились открыть новые рынки на Карибах и в Южной Америке»<sup>10</sup>. Для нашей темы важно, что глобальный переток товаров существовал задолго до современной глобализации, причем законодательство национальных государств налагало на него в XIX в. меньше ограничений, чем в наше время.

Однако и антипод фритредерства - протекционизм - закрывал рынок для определенных товаров, но поощрял ввоз капитала. В первой половине XIX в. британцы инвестировали в промышленность США и Германских государств. Во второй половине XIX в. окрепшие немецкие, британские и американские компании охотно вкладывали инвестиции в русскую, австрийскую и японскую промышленность. В. Ленин под влиянием британского экономиста Т. Гоббса в начале XX в. говорил о приоритете вывоза капитала над вывозом товаров. Классическая «деиндустриализация» - вынос производства в другие страны - шла в начале XX в. в Великобритании и Франции. Этот процесс задержали только мировые войны, требовавшие мощной военной промышленности, но начался он отнюдь не в 1970-х годах.

Соединенные Штаты Америки получали 15,5% от общего мирового экспорта капитала, причем этот процент превышал долю таких регионов, как Азия и Африка, в которые инвестиции шли постоянно, и был немногим ниже суммы инвестиций, направлявшихся в Латинскую Америку. В начале XX в. Великобритании принадлежало 60% от общего экспорта капитала в Соединенных Штатах, Германии - 18,4%, Нидерландам - 9,5% Франции - 4% [9]. Для нашей темы важны не абсолютные цифры (объем ввозимого в США капитала), но сам факт существования глобальных перетоков капитала. *Финансовые рынки и системы межбанковского перевода технически уступали современным, но юридически они имели гораздо больше свобод для переброски финансов в другие страны.*

<sup>10</sup> Международные фирмы в Российской империи, 1800—1917 гг. История государства. URL: <https://statehistory.ru/5990/Mezhdunarodnye-firmy-v-Rossiyskoy-imperii--1800-1917-gg/> (дата обращения: 06.11.2024).

Ленин в работе «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916) также привел интересные данные о перетоке капитала в протекционистской системе: «Самая обычная вещь: условием займа ставится расходование части его на покупку продуктов кредитующей страны, особенно на предметы вооружения, на суда и т.д. Франция в течение двух последних десятилетий (1890-1910) очень часто прибегала к этому средству. Вывоз капитала за границу становится средством поощрения вывоза товаров за границу. Сделки между особенно крупными предприятиями бывают при этом таковы, что они стоят - как выразился «мягко» Шильдер - «на границе подкупа». Крупн в Германии, Шнейдер во Франции, Армстронг в Англии - образцы таких фирм, тесно связанных с гигантскими банками и с правительством, которые не легко «обойти» при заключении займа» [15]. Политика взаимодействия государств и транснациональных корпораций для получения контроля над определенными рынками - не особенность нашего времени, а, скорее, попытка возрождения практики, существовавшей до Первой мировой войны.

На многочисленных форумах и конференциях можно часто услышать дежурные фразы, что современный уровень глобализации ведет к уже необратимым системным изменениям. События XIX века не подтверждают этих прогнозов. Монополии XIX века имели едва ли не больше влияния, чем их последователи в наше время. Национальное законодательство еще не было столь развитым, чтобы ограничить их торговую и финансовую активность, а колониализм открывал перед ТНК немыслимые в наши дни возможности.

### ***Глобализация негосударственных субъектов***

Но, может быть, XIX в. не знал так называемых новых или негосударственных акторов, якобы созданных современной глобализацией? И здесь ответ «нет» - прекрасно знал. Эти организации были весьма сильны и могли отлично конкурировать с государствами.

Европейские державы зачастую вели колониальную экспансию не напрямую, а через предоставление патентов определенным компаниям. Британская и Голландская Ост-Индские компании существовали еще с XVII века, владея определенными территориями, по размеру даже превышающими монополии. До 1858 г. британская Индия принадлежала, например, не Британской короне, а британской Ост-Индской компании. Последняя ведала сбором налогов в ряде индийских образований, имела в своем распоряжении вооруженные силы, включая флот. Для освоения Южной Африки британское правительство использовало ту же схему выдачи лицензий частным компаниям на право ведения собственной политики. Ключевыми из них стали Нигерская компания (1886), Британская Восточно-Африканская компания (1888) и Британская Южно-Африканская компания (1889). Именно в эти годы британский предприниматель Сесиль Родс создал алмазную компанию «De Beers», которая к моменту его смерти контролировала 90% мирового алмазного рынка [24]. И это не было особенностью

Великобритании: аналогично в 1876 г. бельгийский король Леопольд II санкционировал создание Международной ассоциации Конго. Фактически это была не колония, а коммерческое предприятие, занимавшееся заготовкой древесины и поиском полезных ископаемых.

Современный «наднациональный» Интернет тоже имел свой аналог. В 1865 г. был Международный телеграфный союз - международная организация, в рамках которой правительствами и частным сектором координировались глобальные сети и услуги электросвязи. Позже она стала Международным союзом электросвязи и получила статус Специализированного агентства ООН, что, кстати, сократило ее полномочия. В 1863 г. появился Международный красный крест, имевший широкие полномочия по участию в военных действиях. Глобализировалось и международное левое движение. В 1864-1876 гг. действовал Первый интернационал (официальное Международное товарищество рабочих, МТР), объединявший ячейки из 13 европейских стран и США. В 1889 г. ему на смену пришел II Интернационал, в 1900 г. было учреждено Международное социалистическое бюро, находившееся в Брюсселе. Поскольку социалисты все сильнее укреплялись в парламентах и правительствах всех стран (после 1905 г. - и в России), то возникал весьма могущественный наднациональный центр управления социалистами.

В XIX в. возник целый слой людей, которые вели наднациональный образ жизни - в основном это были революционеры, жившие в разных странах мира. Не только К. Маркс и Ф. Энгельс, но и русские А. Герцен и Н. Огарев, французы П.Ж. Прудон и О. Бланки, немцы В. Либкнехт и Ф. Лассаль, итальянцы Дж. Мадзини и Дж.Гарибальди подолгу жили в эмиграции (даже юный Луи Бонапарт, будущий император Наполеон III, жил в эмиграции в Великобритании, бежав из заключения во Франции). Глобализировалось и радикальное направление революционеров - терроризм. Итальянские и польские террористы, русские народо-вольцы и эсеры наводили не меньший страх на простых граждан, чем сегодня «исламские экстремисты». Это, кстати, доказывает, насколько развитой была система банковского кредита и денежных переводов.

Двадцать лет назад было модно говорить о борьбе транснациональных корпораций поверх национальных государств. Читатели с удивлением обнаружат, что то же самое писал В.Ленин в книге «Империализм как высшая стадия капитализма». Целая глава получила название «Раздел мира между союзами капиталистов» - в ней была описана борьба между американской «Всеобщей электрической компанией» и германской «Всеобщей компанией электричества». «И вот в 1907 году между американским и германским трестом заключен договор о разделе мира. Конкуренция устраняется. «Вс. эл. Ко» (Г. Е. С.) «получает» Соединенные Штаты и Канаду; «Вс. об-ву эл.» (А. Е. Г.) «достается» Германия, Австрия, Россия, Голландия, Дания, Швейцария, Турция, Балканы. Особые - разумеется, тайные - договоры заключены относительно «обществ-дочерей», проникающих в новые отрасли промышленности и в «новые», формально еще не поделенные,

страны. Установлен взаимный обмен изобретениями и опытами», - писал автор [15]. В наши дни эти строки вызвали бы настоящий информационный бум и волну журналистских расследований, но в 1916 г. их заметил узкий слой читателей Ленина.

Это не были частные наблюдения Ленина. Национальные государства уже в начале XX в. были обеспокоены превращением корпораций в подобие феодалов, неподконтрольных государственной власти. В 1880-х гг. среди отраслей, которые в Конгрессе считались монополизированными, были производство нефти, сахара, рельсов, свинца, цинка, джута, угля и хлопкового масла. Во всех перечисленных отраслях, о которых доступны соответствующие данные, производство между 1880 и 1890 гг. росло быстрее, чем американское производство в целом. Тресты обеспечивали рост производства и снижение цен, однако они были опасны для государств.

Классический пример - американской нефтяной компании “Standard Oil” (“Standard Oil Company and Trust”) [26]. Она была основана в 1870 г. американским предпринимателем Джоном Рокфеллером (1839-1937) на базе компании «Рокфеллер, Андрюс и Флаглер». К 1880 г. компания перерабатывала 95% нефти, добываемой в США. В 1882 г. ее создатель Дж.Рокфеллер организовал “Standard Oil Trust” - группу из 40 компаний индустрии (трест), что давало ему возможность контролировать всю отрасль переработки нефти. Однако в 1890 г. Конгресс принял «Закон Шермана»: антимонопольный закон, провозгласивший преступлением препятствование свободе торговли созданием треста (монополии) и вступление в сговор с такой целью. После судебного процесса с правительством США Федеральный суд в 1909 г. постановил ликвидировать “Standard Oil”. В 1911 г. компания разделилась на несколько самостоятельных фирм: бывшая холдинговая компания “Standard Oil of New Jersey” (48% активов), “Standard Oil of New York” (9% активов, преобразована в “Mobil”). “Standard Oil of California” (затем “Chevron”), “Standard Oil of Ohio” (позднее “Sohio”), “Standard Oil of Indiana” (позднее “Amoco”), “Continental Oil” (позднее “Conoco”).

В противовес «Стандарт ойл» в 1996 г. в Бремене был создан «Европейский Нефтяной союз» при активном участии российских нефтепромышленников<sup>11</sup>. Он включал в себя нефтяные предприятия Нобелей, Ротшильдов и Немецкого банка (в Румынии и на Кавказе). Но в 1918 г. предприятия и собственность братьев Нобелей были национализированы. Впоследствии они стали основой для нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности СССР.

Современные теоретики глобализации писали о том, что мир транснациональных корпораций идет на смену миру национальных государств. В действительности уже в начале XX в. антимонопольное законодательство резко сократило

<sup>11</sup> За кулисами Нобелевской монополии. Либмонстр. URL: <https://libmonster.ru/m/articles/view/3A-КУЛИСАМ-И-НОБЕЛЕВСКОЙ-МОНОПОЛИИ?ysclid=m309pap0ef571934522> (дата обращения: 06.11.2024).

права ТНК. Мы продолжаем жить в мире национальных государств, а не наднациональных систем, как в Средневековье. Это позволяет нам по-новому посмотреть и на современную глобализацию. Тезис британского исследователя Ст.Кинга [28] о том, что она заканчивается, можно трактовать иначе: глобализация пока так и не восстановила полноценную глобализацию XIX века, а ее окончание - это осознание политическими элитами невозможности реставрировать прошлое.

### ***Возвратима ли «первая глобализация»?***

Здесь, пожалуй, мы подошли к ключевой проблеме: можно ли вернуть глобальные свободы XIX в. в условиях якобы глобализирующегося мира? Если говорить коротко, то нет (примечательно, что даже самые последовательные «глобалисты» вроде пресловутого Джорджа Сороса отнюдь не обещают нам возвращения социально-экономических свобод позапрошлого столетия). Причина этого связана с усилением, а не ослаблением и не размыванием института национального государства.

Во-первых, за минувшие сто лет резко расширилась национальная бюрократия. Государства, как показал еще немецкий социолог Макс Вебер, бюрократизировали все сферы общественной и экономической жизни. Сегодня на совершение какого-либо действия нам потребуется взять некий документ, дающий на него разрешение. Получение такого документа (в широком смысле слова) потребует согласования и прохождения по целой серии бюрократических ступеней с неясным результатом. Иначе говоря, прав совершить что-то без бюрократических разрешений у современного человека мало, и здесь нет большой разницы между, например, Россией, США и КНР.

Во-вторых, в современном мире изменилась концепция юриспруденции.

Правосудие XIX в. носило карательный характер: наказано будет только то лицо, чья виновность доказана. Другое дело, что жестокость наказаний, применяемых к виновным, зачастую поражает наших современников. Правосудие XXI в., наряду с карательным, приобрело более превентивный характер: государственные органы предпринимают меры, чтобы лицо не могло совершить преступление - например, через контроль над источником его доходов. Такой подход предполагает сокращение глобальных гражданских свобод, которые казались невыблемыми в позапрошлом веке.

В-третьих, в XX в. абсолютное большинство государств стали не либеральными, а социальными. В основе либерализма позапрошлого столетия лежал принцип: «Не смейте считать деньги в чужом кармане». Сегодня государства, создав бюджетно-налоговые механизмы перераспределения доходов, прекрасно считают и контролируют наши деньги (в современном мире, например, почти каждому следует отчитаться об источнике доходов - норма, немыслимая для европейских обществ XIX века). Это само по себе делает невозможными те глобальные свободы, какие были у людей позапрошлого века: хотя бы потому, что, меняя место жительства, нам следует согласовать налоговые проблемы и предоставить длинный список документов о собственных доходах, а часто и своей семье.

В-четвертых, современные технические системы контроля на основе искусственного интеллекта дают национальным государствам полномочия, какие казались невозможными в позапрошлом веке. Социологи давно указали, что в современном мире практически невозможно быстро сменить имя, фамилию и придумать себе новую биографию. В XIX и даже в первой половине XX века это было теоретически возможно с переездом в иную страну, иной город или при смене документов. В современном мире человек «просвечен» в электронных базах данных буквально с рождения и появление нового имени потребует создания просто немыслимого количества электронных документов - причем в базах, контроля над которыми нет даже у служащих соответствующих учреждений. Тем, кто говорит о кризисе или упадке национального государства, следовало бы задать себе простой вопрос: «Легко ли в наши дни приобрести другой СНИЛС или ИНН?»

В-пятых, на укрепление роли национального государства сыграло экологическое законодательство. В научной литературе его нередко подают как пример «транснациональных угроз». В действительности национальное экологическое законодательство резко сократило права граждан на свободное распоряжение природными ресурсами. Свободы позапрошлого века вроде свободной охоты, вырубki леса на дрова, свободного разведения в лесу огня (неотъемлемая часть рассказов К.П.Паустовского), самостоятельной добычи полезных ископаемых в горах кажутся нам уже частью иной ушедшей цивилизации. Использование природных ресурсов теперь требует не только лицензий, но и согласия всевозможных природоохранных органов, что само по себе резко усилило полномочия национального государства. Эти нормы распространяются, кстати, и на частные владения: свободная охота уже невозможна без предварительного соглашения.

Предвижу возражения, что современная глобализация стала «ответственной» в отличие от безответственной первой. Не станем спорить о моральной оценке происходящих процессов. Любая «ответственность» предполагает определенное ограничение свобод, в том числе глобальных. Это само по себе делает современную глобализацию предельно ограниченной по сравнению с «первой глобализацией».

## Заключение

Сокращение глобальных свобод стало естественным процессом подъема института национального государства. Глобализация XIX в. происходила в условиях слабого государства. С тех пор государство взяло под контроль все сферы общественной жизни, вводя систему жесткого контроля и регистрации. Этот процесс означал неизбежное усиление национальной бюрократии как основы любого национального государства. За минувшие 100 лет государство укрепились по трем направлениям, создав бюджетно-налоговые механизмы перераспределения национальных доходов, взяв под контроль отношения работодателей и работников

и введя фактическую монополию на природные ресурсы, в том числе с помощью жестких экологических стандартов. Мы живем в мире не ослабления, а усиления национальных государств, если принимать во внимание долгосрочный процесс с 1840-х гг. до наших дней. Это означает, что наша глобализация, возможно, является лишь не очень удачной попыткой вернуть прошлые глобальные свободы.

### ЛИТЕРАТУРА:

1. *Алексеева Т.А.* Неолиберальное государство в контексте глобализации // Сравнительная политика. 2011. Т. 2. №2 (4). С. 44-56.
2. *Балдов Д.В., Сулов С.А.* Мировые продовольственные кризисы и производственные проблемы // Вестник НГИЭИ. 2014. №3 (34). С. 3-17.
3. *Барановский В.Г.* Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. №5. С. 7-23.
4. *Бек У.* Трансформация политики и государства в эпоху глобализации // Свободная мысль - XXI. 2004. №7. С. 3-11.
5. *Богатуров А.Д., Фененко А.В.* Кризис стратегии «навязанного консенсуса» // Свободная мысль. 2008. №11. С. 5-18.
6. *Гарусова Л.Н., Журбей Е.В., Владимирова Д.А.* Китайские иммигранты в США - историческая ретроспектива // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. №2. С. 8-16.
7. *Герман А.А.* История немцев России. Учебное пособие. М.: МаВи групп. 2020. 648 с.
8. *Дитц Я.* История поволжских немцев-колонистов. 3-е изд. М.: Готика. 2000. 496 с.
9. *Захматова М.Р.* Экспансия частного капитала США в Западной Европе. М.: Наука. 1966. 186 с.
10. *Кирьянова Л.Г., Мазурина О.А.* Теории глобализации в контексте постклассической науки // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 311. №7. С. 115-120.
11. *Кучер Н.А.* К вопросу о периодизации иммиграционной политики США в XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, Политология. 2012. № 4-1 (76). С. 144-148.
12. *Лебедева М.М.* Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры // Полис. Политические исследования. 2020. №4. С. 24-35.
13. *Лебедева М.М.* Политическая организация мира в условиях современных мегатрендов: сценарии развития // Вестник ВолГУ. Серия: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. №3. С. 11-31.
14. *Лебон Г.* Психология социализма. СПб.: Макет. 1996. 510 с.
15. *Ленин В.И.* Империализм как высшая стадия капитализма. М.: Госполитиздат. 1949. 184 с.
16. *Нестерова Е.А.* Китайская иммиграция: политика Российской империи и США (вторая половина XIX - начало XX в.) // Россия и АТР. 2001. №3. С. 111-118.
17. *Паньков В.С.* 2020 год - глобализация или деглобализация? // Международная жизнь. 2010. №5. С. 163-176.
18. *Савельев Н.Н.* Река времени: История глобализации мирового развития. Краснодар: Пересвет. 2002. 256 с.
19. *Томсинов В.А.* Краткая история египтологии. М.: Вече. 2004. 319 с.

20. Чешков М. Глобализация: сущность, нынешняя фаза, перспективы. Pro et Contra // Международные процессы. 1999. Т. 4. №4. С. 114-127
21. Arrighi G. The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times. L.: Verso. 1994. 432 p.
22. Bergeijk van P.A.G. On the Brink of Deglobalisation ... Again // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2018. No. 11(2). Pp. 59-72.
23. Brugsch H.K., Chisholm H. Encyclopedia Britannica. (11th ed.). Cambridge: University Press. 1911. 679 p.
24. Epstein E.J. The Rise and Fall of Diamonds: the Shattering of a Brilliant Illusion. N.Y.: Simon and Schuster. 1982. 301 p.
25. Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. Global Transformations. Cambridge: Polity Press. 1999. 91 p.
26. Henderson W. Standard Oil: The First 125 Years. N.Y.: Motorbooks International. 1996. 128 p.
27. Hirst P., Thompson G. Globalization in Question: The International Economy and the Possibilities of Governance. Cambridge: Polity Press. 1996. 430 p.
28. King St.D. Grave New World. The End of Globalization. The Return of History. New Haven: Yale University Press. 2018. 304 p.
29. Latouche S. The Westernization of the World. The Significance, Scope and Limits of the Drive towards Global Uniformity. Cambridge: Polity Press. 1996. 160 p.
30. Piketty Th. Capital in the Twenty First Century. Cambridge: An Imprint of Harvard University Press. 2014. 704 p.
31. Price Ch. Australians: Historical Statistics. Sydney: Fairfax, Syme & Weldon Associates. 1987. 470 p.
32. Rennan W. The Globalisation Timeline // Integrated Assessment Journal. 2003. No. 3. Pp. 137-144.
33. Smick D. Could Globalization Crack Up? // International Economy. 2012. Vol. 26 (4). Pp. 1-18.
34. Stumpp K. Die Russlanddeutschen [The Russian-Germans]. Stuttgart: Verlag Landsmannschaft der Deutschen aus Rubland. Nachdruck. 1993. 147 p. (In German).
35. Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition // International Sociology. 2000. Vol. 15(2). No. 6. Pp. 249-265.

# IS THE MODERN “GLOBAL WORLD” GLOBAL?

**A.V. Fenenko**

Doctor of Political Science, Professor at the Department of International Security,  
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia  
e-mail: afenenko@gmail.com

**Abstract.** The term “deglobalisation” has recently evolved into almost a key concept in the political narrative. It is understood as the dismantling of globalisation and the return of nation-states to the world which is characterised by interstate wars. However, experts often overlook the fact that only 150-200 years ago there was a civilisation in the world that surpassed ours in the scale of global freedoms and interdependencies. According to the researchers of the phenomenon, the first period of globalisation occurred in 1870-1914. The author proposes to extend it over the whole XIX century, proving that the globalisation level at that time not only kept up with modern requirements but also exceeded them. To some extent, today's “global freedoms” are merely a pale shadow of those enjoyed by people in the XIX century.

The reason for that was the strengthening of the state role. The globalisation in the XIX century evolved in the context of a weak state. Since then, the state has exerted its control over all spheres of life, tightening its grip and introducing registration. Thus, from the perspective of this long-term process, i.e. from 1840s until today, we have lived in the world of strengthening rather than weakening of the nation-states. This means that our globalisation may have been just a poor attempt to regain the global freedoms of the past.

**Keywords:** globalisation, global world, deglobalisation, the first globalisation, the Vienna Order, statism, free trade, protectionism, migration.

Received: December 01, 2024

Accepted: December 09, 2024

UDC 339.9.012

DOI: 10.24833/2949-639X-2024-4-10-5-31

## REFERENCES:

1. Alekseeva T.A. Neoliberal'noe gosudarstvo v kontekste globalizacii [Neoliberal State in the Context of Globalization]. *Comparative Politics [Sravnitel'naya politika]*, 2011, vol. 2, no. 2 (4), pp. 44-56. (In Russ.).
2. Baldov D.V., Suslov S.A. Mirovye prodovol'stvennye krizisy i proizvodstvennye problemy [World Food Crises and Production Problems]. *Vestnik NGIEI [NGIEI Bulletin]*, 2014, no. 3 (34), pp. 3-17. (In Russ.).
3. Baranovsky V.G. Novyj miroporyadok: preodolenie starogo ili ego transformaciya? [New World Order: Overcoming the Old or Its Transformation?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]*, 2019, vol. 63, no 5, pp. 7-23. (In Russ.).
4. Beck U. Transformaciya politiki i gosudarstva v epohu globalizacii [Transformation of Politics and State in the Era of Globalisation]. *Svobodnaya mysl' - XXI [Free Thought - XXI]*, 2004, no. 7, pp. 3-11. (In Russ.).

5. Bogaturov A.D., Fenenko A.V. Krizis strategii «navyazannogo konsensusa» [Crisis of the Strategy of the “Imposed Consensus”]. *Svobodnaya mysl [Free Thought]*, 2008, no.11, pp. 5-18. (In Russ.).
6. Garusova L.N., Zhurbey E.V., Vladimirova D.A. Kitajskie immigranty v SShA - istoricheskaya retrospektiva [Chinese Immigrants in the USA - Historical Retrospective]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya [Oikumena. Regional Studies]*, 2018, no. 2, pp. 8-16. (In Russ.).
7. German A.A. *Istoriya nemcev Rossii. Uchebnoe posobie [History of the Germans of Russia. Study Guide]*. Moscow, MaVi Group, 2020, 648 p. (In Russ.).
8. Dietz Ya. *Istoriya povolzhskih nemcev-kolonistov. 3-e izd. [History of Volga Germans-Colonists. 3rd ed.]*. Moscow, Gothic, 2000, 496 p. (In Russ.).
9. Zakhmatova M.R. *Ekspansiya chastnogo kapitala SShA v Zapadnoj Evrope [Expansion of the US Private Capital in Western Europe]*. Moscow, Nauka, 1966, 186 p. (In Russ.).
10. Kiryanova L.G., Mazurina O.A. Teorii globalizatsii v kontekste postklassicheskoy nauki [Theories of Globalisation in the Context of Post-Classical Science]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta [Proceedings of Tomsk Polytechnic University]*, 2007, vol. 311, no. 7, pp. 115-120. (In Russ.).
11. Kucher N.A. K voprosu o periodizatsii immigratsionnoy politiki SShA v XIX v. [Towards a periodisation of US immigration policy in the 19<sup>th</sup> century]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, Politologiya [IProceedings of the Altai State University. Series: History, Political Science]*, 2012, no. 4-1 (76), pp. 144-148.
12. Lebedeva M.M. Novyj mirovoj poryadok: parametry i vozmozhnye kontury [New World Order: Parameters and Possible Contours]. *Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]*, 2020, no. 4, pp. 24-35. (In Russ.).
13. Lebedeva M.M. Politicheskaya organizatsiya mira v usloviyah sovremennykh megatrendov: scenariy razvitiya [Political Organisation of the World in the Conditions of Modern Megatrends: Scenarios of Development]. *Vestnik VolGU. Seriya: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of VolSU. Series: History. Regional Studies. International Relations]*, 2021, vol. 26, no. 3, pp. 11-31. (In Russ.).
14. Lebon G. *Psihologiya socializma [Psychology of Socialism]*. Saint Petersburg, Maket, 1996, 510 p. (In Russ.).
15. Lenin V.I. *Imperializm kak vysshaya stadiya kapitalizma [Imperialism as the Highest Stage of Capitalism]*. Moscow, Gospolitizdat, 1949, 184 p. (In Russ.).
16. Nesterova E.A. Kitajskaya immigratsiya: politika Rossijskoj imperii i SShA (vtoraya polovina XIX - nachalo XX v.) [Chinese Immigration: the Policy of the Russian Empire and the USA (Second Half of XIX - Beginning of XX Century)]. *Rossiya i ATR [Russia and APR]*, 2001, no. 3, pp. 111-118. (In Russ.).
17. Pankov V.S. 2020 god - globalizatsiya ili deglobalizatsiya? [2020 - Globalisation or Deglobalisation?]. *Mezhdunarodnaya zhizn' [International Life]*, 2010, no. 5, pp. 163-176. (In Russ.).
18. Savelyev N.N. *Reka vremeni: Istoriya globalizatsii mirovogo razvitiya [The River of Time: History of Globalisation of World Development]*. Krasnodar, Peresvet, 2002, 256 p. (In Russ.).
19. Tomsinov V.A. *Kratkaya istoriya egiptologii [A Brief History of Egyptology]*. Moscow, Veche, 2004, 319 p. (In Russ.).
20. Cheshkov M. Globalizatsiya: sushchnost', nyneshnyaya faza, perspektivy. Pro et Contra [Globalisation: Essence, Current Phase, Prospects. Pro et Contra]. *Mezhdunarodnye processy [International Processes]*, 1999, vol. 4, no. 4, pp. 114-127. (In Russ.).

21. Arrighi G. *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times*. L., Verso, 1994. 432 p.
22. Bergeijk van P.A.G. On the Brink of Deglobalisation ... Again. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 2018, no. 11(2), pp. 59-72.
23. Brugsch H.K., Chisholm H. *Encyclopedia Britannica. (11th ed.)*. Cambridge, University Press, 1911, 679 p.
24. Epstein E.J. *The Rise and Fall of Diamonds: the Shattering of a Brilliant Illusion*. N.Y., Simon and Schuster, 1982, 301 p.
25. Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. *Global Transformations*. Cambridge, Polity Press, 1999, 91 p.
26. Henderson W. *Standard Oil: The First 125 Years*. N.Y., Motorbooks International, 1996, 128 p.
27. Hirst P., Thompson G. *Globalisation in Question: The International Economy and the Possibilities of Governance*. Cambridge, Polity Press, 1996, 430 p.
28. King St.D. *Grave New World. The End of Globalisation. The Return of History*. New Haven, Yale University Press, 2018, 304 p.
29. Latouche S. *The Westernisation of the World. The Significance, Scope and Limits of the Drive towards Global Uniformity*. Cambridge, Polity Press, 1996, 160 p.
30. Piketty Th. *Capital in the Twenty First Century*. Cambridge, An Imprint of Harvard University Press, 2014, 704 p.
31. Price Ch. *Australians: Historical Statistics*. Sydney, Fairfax, Syme & Weldon Associates, 1987, 470 p.
32. Rennen W. The Globalisation Timeline. *Integrated Assessment Journal*, 2003, no. 3, pp. 137-144.
33. Smick D. Could Globalisation Crack Up? *International Economy*, 2012, vol. 26 (4), pp. 1-18.
34. Stumpp K. *Die Russlanddeutschen [The Russian-Germans]*. Stuttgart, Verlag Landsmannschaft der Deutschen aus Rubland. Nachdruck, 1993, 147 p. (In German).
35. Wallerstein I. Globalisation or the Age of Transition. *International Sociology*, 2000, vol. 15(2), no. 6, pp. 249-265.